

БУЛЫКО А. Н.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ
БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Совершенным можно считать такой исторический словарь, который отражает всю зафиксированную в письменных памятниках лексику. Однако в лексикографической практике в зависимости от задач словаря и возможностей их реализации наблюдается дифференцированный подход к различным типам лексического материала. В этом отношении не составляет исключения лексика иноязычного происхождения, отбор и обработка которой требуют от лексикографа особенно пристального внимания.

В языке памятников старобелорусской письменности XIV—XVIII вв., представляющих материал для исторического словаря белорусского языка, иноязычные лексические средства занимают заметное место. Генетически они связаны более чем с десятком языковых источников, оказывавших в древности непосредственное или опосредствованное влияние на письменную и устную формы белорусского языка. По количественным показателям наиболее существенную часть среди них составляют лексемы, приходившие из западных языков, что объясняется многими причинами социально-исторического, экономического и культурного характера.

На протяжении почти четырех столетий белорусский литературный язык развивался в условиях белорусско-польского двуязычия. Воздействие польского языка на белорусский началось уже в XIV в., когда после Кревской унии 1385 г. укрепился политический и военный союз Великого княжества Литовского и королевской Польши. Но особенно интенсивным стал приток польской лексики в белорусский язык во второй половине XVI в., после Люблинской унии 1569 г., в результате которой территория Белоруссии, как и все Великое княжество Литовское, оказалась в составе Речи Посполитой¹.

Почти одновременно с польским языком в Белоруссию начала проникать латынь. По примеру Польши, где использование латинского языка во всех сферах общественной и научно-культурной жизни имело давнюю традицию [2], его рано начали употреблять при оформлении местной документации и в дипломатической переписке с зарубежными странами. Со второй половины XVI в. латинский язык стал одним из основных предметов обучения в католических, униатских и даже православных братских школах [3]. Но основной сферой применения этого языка явилась научная литература, выпуску которой уделяли внимание многие польские типографии, основанные на территории Белоруссии [4].

Большое значение для пополнения старобелорусского словаря иноязычной лексикой имело распространение в Белоруссии идей Реформации. Это передовое для того времени гуманистическое течение, тесно связанное с западноевропейскими и польскими реформационными течениями, содействовало развитию на белорусских землях просвещения, науки, книгопечатания, повышалось интерес образованных кругов к античной культуре и культурному наследию европейского Возрождения [5]. Благодаря переводческой деятельности представителей белорусской культуры читателю стали доступны многие произведения западноевропейской художественной, научной и исторической литературы [6].

¹ Исследованию социально-исторических и культурных условий распространения польского языка в Белоруссии посвящена монография французского слависта А. Мартеля [1].

Кроме укрепления всесторонних связей с Западом, в результате которых старобелорусская лексическая система обогатилась тысячами новых слов, белорусы на протяжении своей истории соприкасались и с другими народами. Наиболее продолжительным и прочным было общение с литовцами. Однако в то время как в старолитовском языке слова белорусского происхождения составили значительный слой [7], в старобелорусском литературно-письменном языке литовская лексическая струя ограничилась лишь несколькими десятками лексем. Это объясняется тем, что белорусский язык выступал в Великом княжестве Литовском в качестве официального, а белорусские земли составляли основу его экономического могущества. Мало заметным оказался и тюркский вклад в белорусский словарь. Сравнительно небольшим на протяжении XIV—XVIII вв. был также приток в белорусский словарь грецизмов, хотя лексика греческого происхождения, употреблявшаяся в старобелорусском литературно-письменном языке, составляла значительный слой. Но основная часть ее, связанная, как правило, со сферой религиозной жизни, адаптировалась уже в древнерусском языке, когда после принятия христианства интенсивно формировалась православная церковная терминология. В период же самостоятельного развития восточнославянских языков в новых религиозных терминах православного направления почти не было нужды, поэтому греческая лексическая струя в старобелорусском языке существенно сузилась. Несколько оживляли ее лишь лексические единицы из области науки и культурной жизни, которые поступали преимущественно через переводы с греческого языка религиозной и научной литературы.

В числе иноязычных слов, являющихся объектом исторического словаря белорусского языка, основную часть составляют заимствования. Их вклад в словарный состав старобелорусского языка был внушительным как со стороны количественного роста необходимых средств выражения, так и в отношении качественного улучшения коммуникативной способности языка. Заимствования, число которых за более чем четырехвековой период иноязычного воздействия составило около 4000 самостоятельных словарных единиц, дополнили в лексической системе старобелорусского языка почти все семантические звенья, поставив его в один ряд с наиболее развитыми европейскими языками того времени. Появление многокомпонентных синонимических рядов значительно повысило дифференциацию и стилистическую гибкость языка, дало возможность выражать различными лексическими единицами абстрактные и конкретные понятия.

Становление основных лексических членений — лексико-семантических разрядов и групп происходило прежде всего в результате изменения социально-экономических и культурно-исторических условий жизни белорусского народа. В семантическом отношении заимствованные слова распределились по ряду функциональных сфер, охватывающих в своей совокупности почти все стороны человеческой деятельности и окружающей действительности. Самой активной областью заимствования оказалась в старобелорусский период бытовая сфера. За счет заимствований существенно обогатилась старобелорусская общественно-политическая, юридическая, социально-экономическая, военная, научная, литературоведческая терминология, получила значительное развитие лексика, связанная с профессионально-производственной, религиозной и другими сторонами человеческой жизни и деятельности.

На белорусской почве заимствованная лексика была освоена в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении и наряду с исконно белорусскими словами выполняла коммуникативные функции. Более трети заимствований приняло участие в словообразовательном процессе, дав в результате плодотворного использования белорусским населением восточнославянских словообразовательных моделей свыше 6000 дериватов. Таким образом, общее число слов, связанных своим происхождением с иноязычным корнесловом, составило в старобелорусском литературно-письменном языке около 10 000 лексических единиц.

Среди заимствований старобелорусского языка выделяются слова двух разновидностей. Одни из них были усвоены белорусским населением для

замены устаревших в результате общественного прогресса наименований, другие — в связи с необходимостью номинации новых реалий и понятий, которые постоянно возникали под влиянием знакомства с общественно-политической, хозяйственно-экономической и научно-культурной жизнью других народов. В числе последних также различаются, с одной стороны, слова для обозначения иноземных реалий, ставших принадлежностью местной жизни, и, с другой стороны, лексические средства для обозначения предметов и явлений, сохранивших свою этнографическую специфику.

Относительно правомерности включения в исторический словарь заимствований, пополнивших словарный состав старобелорусского языка в качестве средств номинации новых предметов или явлений местного использования, например, *армата, блаватъ, ванна, винда, гусаръ, драбъ, едwabъ, инъенеръ, кафель, куша, лаштъ, малмазия, пипа, пистолетъ, рубинъ, сафъянъ, семинария, тимецъ, фунтъ, шафранъ, юркгельтъ*, не возникает сомнения. Как и слова, заменившие устаревшую лексику (ср. *администраторъ, бунтъ, жолнеръ, зброя, кучня, литера, мещанинъ, палацъ, фамилия, цегла* и др.), они полностью ассимилировались на белорусской почве в фонетико-морфологическом и семантическом отношении и практически не отличались от собственно белорусской лексики ни по формальным, ни по смысловым, ни по функциональным признакам.

Несколько иное впечатление складывается при ознакомлении с лексическими средствами иноязычного происхождения, не имеющими непосредственного отношения к характеристике белорусского местного колорита. Среди них обращают на себя внимание прежде всего лексические единицы, характеризующие специфику жизни представителей различных территориально-этнических формирований периода средневековья и более отдаленного прошлого, например, древнееврейского населения Ближнего Востока (*гинъ, гоморъ, ебионитъ, ефа, ефудъ, мамзеръ, пуримъ, рабинъ, сенедримъ, сетимъ, талмутъ, шабасъ*), древних римлян (*диктаторъ, императоръ, консилия, консулъ, патриций, плебей, принцепс, секстариий, секстиль, трибунъ, трибусъ, цензурия*) и т. п. Сфера употребления этих слов в старобелорусском литературно-письменном языке была ограниченной. Они встречаются преимущественно в переводных текстах религиозных и светского содержания при изложении исторических событий и описании обычаев населения в древних государствах.

Не получили также широкого распространения в старобелорусской письменности и группы слов, дающие представление о быте и нравах ряда современных белорусам народов. Так, из лексем тюркского происхождения *байрамъ, баша, булакъ, гамъятъ, дервишъ, кадый, карачъ, мечетъ, молла, мурза, нишанъ, оталыкъ, сандчакъ, сафаръ, сейтъ, сераль, сеунчъ, улусъ, чаушъ, шерть, юртъ, янычаръ*, характеризующих уклад жизни восточных народов, лишь отдельные (*байрамъ, баша, дервишъ, мечетъ, молла, мурза, янычаръ*) в той или иной мере были известны белорусскому населению благодаря общению с татарскими поселенцами на территории Белоруссии или чтению произведений мемуарной литературы. Остальные зафиксированы в документах дипломатической переписки между правительствами Великого княжества Литовского и Крымского ханства. Подобным образом лексические единицы типа *комендаторъ, кумендеръ, кунторъ, курфберстъ, ланмаршалокъ, лядкграфъ, реща, фертмаршалокъ*, связанные с характеристикой немецкого государственного устройства, отразились лишь в ранних договорных грамотах с Тевтонским орденом и позднейших произведениях исторического жанра.

Большая часть рассмотренных слов, квалифицируемых в языковедении как экзотизмы [8], подвергалась в белорусской языковой среде лишь частичной (как правило, фонетико-морфологической) адаптации. О том, что не все они были понятны белорусскому населению, может свидетельствовать то обстоятельство, что переводчики при некоторых из них дают толкования: *былъ, магистеръ еквиумъ, то ест гетманъ* (Бельск., 1660б); *мела оная ихъ рада або сенедримъ великую моць* (там же, 204об); *на кождый рокъ консилиевъ то ест рядцовъ выбирали* (Рим., 80); *проконсулъ, то ест перший панъ по цесару оборонял его* (Сб. 82, 386); *гинъ*

мера египетца, яко 10 квартъ (Хрон., 108) и др. Однако пренебрегать ими при лексикографической обработке материала старой белорусской письменности было бы ошибочным, поскольку они выполняли в литературно-письменном языке определенную коммуникативную и сигнификативную функцию. Заменить их в белорусских текстах другими лексическими средствами не представлялось возможным в связи с отсутствием в языке-рецепторе специальных слов для обозначения соответствующих предметов, понятий или явлений. Экзотическая лексика содействовала повышению образовательного уровня тогдашних читателей, расширяла их сведения о неизвестных до этого сторонах окружающей действительности и в определенных ситуациях использовалась в речевом общении. Большинство экзотизмов постепенно становилось полноценными заимствованиями. О целесообразности включения лексики этого типа в исторический словарь свидетельствует и тот факт, что большая часть ее фиксируется словарями современных литературных языков, в том числе и белорусского.

Иноязычные слова проникали в белорусский язык в разное время и различными путями, овлаивались неодинаково, поэтому многие из них зафиксированы в письменных памятниках в различных вариантах. Наиболее широко отражена в белорусской письменности XIV—XVIII вв. формальная дублетность. Орфографическая неустойчивость вообще является дошолнительным показателем иноязычного происхождения соответствующих слов. Даже в современных литературных языках с их нормированным правописанием орфографическим разнообразием характеризуются в первую очередь заимствованные слова. Применительно же к древнему периоду эта их особенность проявляется во много раз заметнее.

Под воздействием фонетических процессов, которым подвергалась иноязычная лексика в старобелорусском языке, а также в связи с неодинаковым образовательным уровнем авторов и переписчиков фонетико-орфографическая вариантность отдельных лексем выглядит в памятниках письменности особенно пестрой: *сыжнетъ — сегнетъ — секгнетъ — сигнетъ — сижнетъ — сыгнетъ*; *цирографъ — тирографъ — церографъ — цирографъ — цырографъ — цырографъ* и т. д. К этому следует присоединить словообразовательные и грамматические варианты. Поэтому при лексикографической обработке заимствований приходится решать, которые из вариантов подавать как самостоятельные слова, а которые объединять в общей словарной статье, и если объединять, то как выделить среди них основные и второстепенные.

Работа над словарным составом старобелорусского языка показывает, что при оформлении словарных статей целесообразно объединять в одной статье варианты орфографические, наиболее распространенными из которых в белорусских текстах XIV—XVIII вв. можно считать эквиваленты с различным отражением аканья (*абшлягъ — обшлягъ, калита — колита, маршалокъ — моршалокъ, палацъ — полацъ*), отвердения шипящих и р (*жычыти — жичити, подчашый — подчаший, прыватный — приватный, шыба — шибя*), взрывного г (*зекгаръ — зегаръ, кгубернаторъ — губернаторъ, локгофетъ — логгофетъ, паракграфъ — параграфъ*); звука ф (*кафтанъ — каптанъ — каттанъ, кнафель — кнапель — кнахель, флаша — пляша — хвляша*), твердости зубных согласных (*визытъ — визитъ, кардыналъ — кардиналъ, оказыя — оказия, сэнатъ — сенатъ*), результатов субституции польских носовых гласных (*вонтпिति — вунтпिति — вутпिति, семпъ — сепъ — сунъ, хендокгий — хандокгий — хондокгий*) и др. Каждую из этих орфографических параллелей следует рассматривать как неодинаковые манифестации одной и той же лексической единицы и помещать в одной словарной статье, выбрав за основной наиболее распространенный в письменности вариант.

Также нет оснований разъединять орфографические варианты, образовавшиеся в результате воздействия на белорусский язык и языка-источника, и языка-посредника. В их числе, например, дублиеты лексических единиц германского и романского происхождения типа *галзбантъ — альзбантъ, галябарда — алябарда, гаркабузъ — аркабузъ, гохмистръ —*

оємистрѣ, цинишѣ — чинишѣ, получившие различное начало слов в связи с тем, что попали на белорусскую почву как непосредственно, так и через польский язык. Этот же принцип подходит и к латинизмам с удвоением и отсутствием удвоения согласных вроде *аппробация — апробация, интромассия — интромассия, комиссия — комиссия, процессъ — процесъ, суколлиторъ — суколлиторъ*.

В отличие от приведенных вариантов в различных словарных статьях даются заимствования, которые генетически хотя и восходят к одному языку-источнику, но проникли в старобелорусский литературно-письменный язык различными путями и в связи с этим получили неодинаковое фонетическое оформление. В качестве примеров можно привести пришедшие через латинско-польскую среду, с одной стороны, и через церковнославянский язык, с другой, дублетные лексические средства греческого происхождения типа *базилискъ — василискъ, геретикъ — еретикъ, катедрa — кафедра, целья — келья*.

В отдельных словарных статьях оформляются также существительные, которые отличаются грамматическим родом (*адамашка — адамашокъ, боклага — боклагъ, крама — крамъ, привилей — привилеь, шмата — шматъ*), однокоренные слова, имеющие тождественные значения, но различающиеся словообразовательными средствами (*апокалипсисъ — апокалипсия, крамаръ — крамникъ, мордериъ — мордерица, папа — папежь, сурмачъ — сурмачей*).

Вместе с тем необходимо отметить, что лексическое воздействие отдельных языков на словарный состав письменной разновидности белорусского языка проявлялось гораздо сильнее, чем об этом можно судить на основании проанализированного материала. В некоторых памятниках и даже группах памятников старинной белорусской письменности, кроме заимствованных слов, нашло отражение большое количество иноязычных лексических единиц, в употреблении которых, казалось бы, не было надобности.

Особенно много иноязычных слов, которые стали достоянием лишь отдельных текстов и не получили закрепления в старобелорусском литературно-письменном языке, проникло под польским влиянием, что в условиях белорусско-польского двуязычия на территории Белоруссии было закономерным явлением. Примерами средств, дублирующих белорусскую лексику, могут служить случаи распространения в белорусской письменности польских неполногласных форм типа *блото, влока, злото, кроль, млотъ, оброна, прокгъ, строна, хлодникъ, человекъ* при наличии своих полногласных форм. Если к этому присоединить характерные для ряда конфессиональных текстов неполногласные формы церковнославянского происхождения, то образуется значительное число трехчленных дублетных соединений типа *волось — влосъ — власть, ворота — врта — врата, здоровый — здровый — здравый, молодой — млодый — младый, солодкий — слодкий — сладкий*. Естественно, что в процессе работы над историческим словарем такие идентичные в семантическом отношении, но различные по происхождению и фонетическому оформлению слова нельзя сводить к одному варианту — их место в самостоятельных словарных статьях.

В польском фонетическом оформлении фиксировались в памятниках конца XVI и XVII вв. и многие другие слова, известные ранее лишь в своей исконной белорусской форме. В связи с этим получался разнобой при обозначении одних и тех же реалий и понятий: *вилькъ — волкъ, генсь — гусь, дзвонъ — звонъ, едла — ель, контъ — кутъ, ноць — ночь, ойтець — отецъ, пець — печь, ренка — рука, садло — сало, твардый — твердый, чарный — черный* и др. Этот список можно увеличить за счет глаголов польского происхождения с отсутствием эпентетического *л* типа *взавяты, высталяты, збавяты, направяты, обявляты, поставяты, розмавляты, унотребляющихъ параллельно с белорусскими взновляты, выставляты, збавляты, направляты, обявляты, постановляты, розмавляты* и т. д. Понятно, что приведенные написания нельзя считать заимствованиями, а можно только квалифицировать как лексические средства, употребленные под влиянием польского языка. Использование их рядом с иско-

но белорусскими эквивалентами в памятниках письменности является дополнительным свидетельством того, что полонизация определенных слоев белорусского населения в конце XVI и в XVII в. была довольно значительной. Но это совсем не значит, что такие варианты не следует отражать в историческом словаре: семантически они тождественны вариантам белорусского происхождения. Только разрабатываться они должны каждый самостоятельно.

Тем более не могут быть объединены в одной словарной статье соотносительные белорусские и польские слова, отличавшиеся словообразовательными средствами: *зборище* — *збориско*, *игрище* — *игриско*, *огнище* — *огниско*, *побище* — *побоиско*, *становище* — *становиско*; *дедина* — *дедизна*, *капица* — *капицзна*, *материна* — *материзна*, *мужчина* — *мужцизна* и др.

Интересным явлением в истории белорусской лексической системы было употребление в библейских книгах Ф. Скорины многих слов чешского происхождения типа *жадость*, *жаларъ*, *жизень*, *заважие*, *змизати*, *лебка*, *либивость*, *нутити*, *ошметникъ*, *планый*, *ратолесный*, *смыркъ* и др. Они проникли в результате непосредственных контактов белорусского первопечатника с чехами в период издательской деятельности в Праге (1517—1519) и использования им при обработке текста библейских книг в качестве основного пособия чешской Библии в венецианском издании 1506 г. и позже в белорусском языке не закрепились [9].

Не явилась достойным белорусского словарного состава и значительная часть зафиксированных в письменности слов литовского происхождения вроде *алкснинъ*, *вондера*, *дексня*, *жакгра*, *интокъ*, *кгирела*, *лонкеля*, *молкаса*, *намакголъ*, *ошвиникъ*, *пиртика*, *сонтокъ*, *ушкуръ*, *шлойтъ* [см. 10]. Они встречаются в деловых документах территории этнической Литвы и по отношению к лексической системе старобелорусского языка выступают как окказионализмы. Однако исключить эти лексические средства из исторического словаря нельзя, так как они органически входят в контекст и несут в письменном языке определенную семантическую нагрузку наряду с исконной лексикой.

Не могут включаться в исторический словарь разнообразные иноязычные вкрапления типа *алхамъ*, *деликтумъ*, *квинтиль*, *лахамъ*, *пеккатумъ*, *торнафъ*, встречающиеся в отдельных старинных белорусских произведениях оригинального и переводного характера, где употреблены в определенных стилистических целях. В отличие от экзотизмов, которые хотя и характеризовали черты жизни других народов, но все же входили в словарный состав старобелорусского языка, пусть часто на правах семантически недоосвоенных слов, эти лексические средства, как правило, находились вне белорусской языковой системы. Они свидетельствуют лишь о превосходном владении тем или иным белорусским автором или переводчиком иностранными языками и о его сознательном стремлении познакомить читателя с элементами чужого языка, распространить свои знания на более широкий круг людей [11].

Самые ранние случаи использования иноязычных вкраплений в старобелорусской письменности известны уже в переводных сочинениях конца XV в.: *тогда на его экъсеквие albo службу тысяць тысячей ангелов пели хваления* (Стр. Хр., 15); *соут оу них дома опришне их же тамо алхам зовутъ* (Волх., 48об). Но поистине сознательно, с пониманием дела подошел к использованию иноязычных выражений белорусский первопечатник Ф. Скорина, в изданиях которого, особенно в оригинальных предисловиях и послесловиях к библейским книгам, чужеродные вкрапления несут большую познавательную нагрузку, свидетельствуя о высоком образовательном уровне издателя: *книги пятыи моисеовы зовемии от евреи гельгадворимъ, по греческии девтерономость, по латине секунда лексъ а по рускии втории законъ* (Скор. ВЗ, 1). *Притчи же нарицаются евреискымъ языкомъ Масилофъ, а греческымъ Параболе* (Скор. ПС, 2об); *месяца перьваго иже словеть по евреискии Нисанъ, то есть апрель* (Скор. КЕ, 8) и др.

Используются иноязычные вкрапления и в текстах последующих белорусских книгоиздателей: *докуль таковыя речи кто выполънилъ крещонъ*

не былъ але такового звано *Оглашенымъ* а по гречески *Катикоуменость* (Буд., 6об); *инязици за руку девку, мовилъ ей, талифакумъ, што есть выкладаючи, девко, тебе мовлю, встань* (Тяп., 50). Однако наиболее регулярно иноязычные вкрапления встречаются в произведениях XVII в., особенно в переводных текстах светского и религиозного содержания и оригиналах мемуарного характера: *умарль суседъ и приятель мой чловекъ барзо добрый беатусъ виръ панъ валентый чарковскый* (Евл., 39); *дала ему имя мойсей от воды, бо моис вода по египетску* (Бельск., 41); *от того ся назвала каптонова могила для найденной головы, бо капна по латине голова есть* (Рим., 80); *негра ест то слово грецкое значит камень мягкий* (Диар., 173); *людъ закричалъ кирие елейсон, то есть господи помилуй* (Сб. 752, 412); *тыи книги грекове девторомиумъ называют то есть вторый або повторный законъ* (Хрон., 151) и др.

Как свидетельствуют приведенные примеры, они в большинстве случаев легко выявляются в памятниках письменности благодаря сопровождающему их специальному словному окружению. Чужеродность иноязычных вкраплений очевидна хотя бы потому, что такие слова или выражения сопровождаются обычно переводом на белорусский язык или описательными толкованиями. Вместе с тем при них в большинстве случаев есть указание на язык, откуда данное слово или выражение взято: *по влоску, по грецку, по египетску, по иудейску, по латинску, по халдейску* и т. п. К тому же в некоторых памятниках древнееврейские, греческие и латинские слова употребляются в их оригинальной графической оболочке: *тое же месце зовет орасилит, штосмы преложили вырочницею* (Выкл., 43); *тые книги грекове ардиносъ, латинници Numeros, то ест личбы зовут* (там же, 52об) и др. Из числа белорусских письменных памятников в этом отношении выделяются лишь деловые, в которых толкование иноязычных вкраплений в связи со спецификой стиля, как правило, не практикуется: *обецано, жебы декретъ былъ не водлугъ прима клязисъ ферованый; одъ его милости ультро форумъ акцептовать мелъ* (XVII в) и т. п. Однако и здесь на чуждый характер иноязычных лексических элементов выразительно указывает как их семантическая малодоступность, так и отсутствие белорусских морфологических черт и синтаксического согласования с окружающим контекстом.

Тем не менее при лексикографической обработке зафиксированной в памятниках письменности лексики и иноязычным вкраплениям необходим внимательный подход. Дело в том, что в определенных условиях иноязычные вкрапления имеют тенденцию сближаться с экзотизмами и некоторые из них даже осваиваются морфологически. Это касается в первую очередь тех лексических средств, которые в связи с наличием благоприятного контекста получают возможность фиксироваться в письменном языке неоднократно. Примеров, иллюстрирующих сказанное, в старобелорусской письменности достаточно. Одним из них может служить лексема *адаръ* (*вадаръ*), известная в белорусских памятниках XVI в. на правах вкрапления: *вынялъся ест месець дванадцятый зовемый у евреи адаръ еже естъ мартъ* (Скор. КЕ, 8); *месець после февруария зовомъ мулизма, а евреискии вадаръ* (Небо, 80). Употребление этого слова в памятниках XVII в. уже без белорусского семантического эквивалента свидетельствует о том, что оно к этому времени уже стало доступным широкому кругу читателей: *минула зима и холоднии дни, а надшоу месець адар* (Бельск., 227); *установили празник дня тринадцатаго адара по всемъ свете обьходить* (Сб. 82, 22об) и др.

Представляет интерес и обратное явление, когда уже освоенные во всех отношениях, широко используемые древними книжниками слова могут выступать в качестве иноязычных вкраплений, как это случилось с зафиксированной во всех жанрово-стилевых разновидностях старобелорусской письменности, известной литературно-письменному языку с XV в. лексемой *пасха*, которая в одном из письменных памятников XVII в. употреблена как вкрапление: *по жидовску ест пасех, што тлумачи зовуть фасе, по халдейску пасха, а греки и латинници мовят пасха, што по нашому власне значит престье* (Выкл., 35об).

Все сказанное показывает, что в каждом конкретном случае правомерность включения в исторический словарь определенной лексической единицы должна решаться путем изучения всего наличного иллюстративного материала на данное слово с учетом лингвистических и культурно-исторических факторов.

ИСТОЧНИКИ

- Бельск.— «Хроника» М. Бельского начала XVII в. (рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F. IV. 688).
Буд.— «Катихисисъ» С. Будного (Клецк, 1562).
Волх.— «Повесть о трех королях-волавах» конца XV в. (рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. I. 391).
Выкл.— «Выкладъ месць труднейшихъ» середины XVII в. (рукопись Библиотеки Академии наук УССР, 9 п/111).
Диар.— «Диариушъ» А. Филипповича 1638—1648 гг. (рукопись Государственного исторического музея СССР, Синод. 856).
Евл.— «Дневникъ» Ф. Евлашевского начала XVII в. (рукопись Главного архива древних актов в Варшаве).
Небо — «О поессехъ небесныхъ» конца XVI в. (рукопись Государственной библиотеки БССР им. В. И. Ленина, 09/276К).
Рим.— «Римский летописецъ» начала XVII в. (рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F. XVII. 5).
Сб. 82 — Сборник поучений середины XVII в. (рукопись Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР, РКФ — 82).
Сб. 752 — Сборник житий святых середины XVII в. (рукопись Государственного исторического музея СССР, Синод. 752).
Скор. ВЗ — Ф. Скорина. Книга Второзаконие (Прага, 1519).
Скор. КЕ — Ф. Скорина. Книга Судей (Прага, 1519).
Скор. ПС — Ф. Скорина. Притчи Соломона (Прага, 1517).
Стр. Хр.— «Страсти Христовы» конца XV в. (рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. I. 391).
Тяп.— «Евангелие» в переводе В. Тяпийского около 1580 г.
Хрон.— «Хронографъ» середины XVII в. (рукопись Государственной библиотеки БССР им. В. И. Ленина, № 2405).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Martel A.* La langue polonaise dans les pays ruthènes, Ukraine et Russie Blanche. Lille, 1938.
2. *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa, 1974, s. 319.
3. *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1959, с. 37.
4. *Журавский А. И., Булыко А. Н.* 450 лет белорусского книгопечатания.— В кн.: Исследования и материалы. Сб. XIV. М., 1967, с. 113.
5. *Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии.* Минск, 1973, с. 27.
6. *Гістарычная лексікалогія беларускай мовы.* Минск, 1970, с. 85.
7. *Palionis J.* Lietuvių literatūrinė kalba XVI—XVII a. Vilnius, 1967, p. 273—286.
8. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с. 46—52.
9. *Булыко А. Н.* Западнорусская лексика в изданиях Франциска Скорины.— В кн.: Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979, с. 94—102.
10. *Jablonskis K.* Lietuvių ke žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje. Kaunas, 1941.
11. *Журавский А. И.* Экзотическая лексика и иноязычные вкрапления в старобелорусской письменности.— В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, с. 141.